Ю. Ю. Мархлевский.

ГН51
М324,

ПОЛЬША ПОД ИНОЗЕМНЫМ ИГОМ.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

Москва. — 1920.

1988

ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ
2005

ГН51
М 324, Р

Библиотека
Института Ленина
при Ц. К. В. К. П. (б.)
29/5 43108

7-я Государственная типография В. С. Н. Х.

ПОЛЬША ПОД ИНОЗЕМНЫМ ИГОМ.

Товарищи! Первая лекция *) может быть озаглавлена «Польша под иноземным игом». Это значит—под игом русского царизма, под игом австрийского и прусского владычества.

Разрешите, прежде чем я приступлю к этой теме, сделать введение, так как необходимо разъяснить, каким образом произошло, что Польша, некогда очень могущественное государство, могла стать жертвой такого насилия, могла быть разделена по частям и попасть под чужой гнет.

Чтобы в этом вопросе разобраться, нужно раньше всего указать на то, чем было это Польское государство раньше, чем оно потеряло свою самостоятельность.

Польша—страна диктатуры дворянского класса.

Польское государство представляет в истории одно из самых интересных явлений. К сожалению, далеко еще история этого государства не разработана. Дело в том, что Польша представляет государство с диктатурой одного класса, полной диктатурой этого класса над всеми остальными слоями населения, с диктатурой, которая в такой силе нигде, быть-может, не проявлялась, кроме разве итальянских городских республик, как Венеция, Флоренция, где господствовала маленькая олигархия. Но в сравнении с этими городскими олигархиями Польша представляет в этом

---

*) Первая из серии лекций, устроенных в мае 1920 г. в Москве комиссией для агитации против польского нашествия белогвардейской Польши против Советской России.

смысле иное явление, так как здесь господствующий класс чрезвычайно многочислен.

В Польше в конце XVII века считали, что каждый шестой житель — это дворянин. Как могло это произойти?

Этого не было нигде в мире. Объяснение следует искать в самой отдаленной истории Польши. Дело в том, что происхождение польской шляхты, польского дворянства, вероятно, произошло совершенно иначе, чем в других государствах. Имеется интересная теория, которая утверждает, что раньше, до образования польского государства, все вольные люди составляли один привилегированный класс, притом, вследствие особого стечения обстоятельств, среди этого дворянства сохранился очень долго так называемый родовой строй, при котором существовала полная солидарность рода, основанного на кровном родстве.

У готтов, кельтов, германцев это равенство «вольных» было уничтожено вследствие военного строя, который возник рано: война требует подчинения; под ее влиянием разылась иерархия, проведенная в стройную систему во время феодализма. Поэтому у народов Западной Европы уже в первый период Средних веков «вольные» не причислялись к дворянству, они растворились в крестьянской среде. В Польше развитие пошло иным путем: «кметы», т.-е. крестьяне, считались полувольными (здесь, вероятно, дело в том, что целые роды попадали в военное рабство вследствие племенных мелких войн), а «вольные» все вошли в состав привилегированного, дворянского сословия.

И вот многочисленность этого класса и сплоченность его вследствие родового строя и повели к диктатуре дворянства, единственной в своем роде.

Кстати, следы этого сохранились до сих пор! В Польше и в землях, входивших в состав Польского государства, в Белоруссии и в Литве, до сих пор имеются целые деревни, заселенные сплошь шляхтой. Это «дворяне-однодворцы», которые по своему экономическому положению не разнятся от крестьян, но гордятся своим дворянским, древним происхождением. Так как они пролетаризуются на-

равне с крестьянами, то и среди рабочих польских можно найти много «шляхтичей».

Нам, конечно, невозможно пускаться в дебри истории Польши Средних веков. Достаточно указать, что польское государство образовалось благодаря объединению лехитских племен (лехи-ляхи), живущих на пространстве от реки Одры на западе, приблизительно до Буга на востоке, доходивших к югу до Карпатских гор, а к северу по среднему течению Вислы. Столкновения с немцами и племенные войны повели в X веке к монархической власти. Но полноты власти польские короли достигали только временно, в XI и XII веках, в постоянной борьбе с шляхтой. В XII веке монархическая власть падает, Польша разделяется на ряд княжеств (период «междуусобий»). Она восстановляется в начале XII в., но является уже «ограниченной монархией»: шляхта отстаивает свое право участия в управлении государством, и в XV веке власть короля сводится к очень скромным, ограниченным размерам. Получается своеобразный государственный строй: Польша, объединенная в это время с Литвой, называется «Речью Посполитой», т.-е. республикой, но с королем во главе. Этого короля выбирают пожизненно, а выбирает его все дворянское сословие. В выборах принимали участие подчас до 80.000 шляхтичей, съехавшихся со всех концов обширного государства. Государственные дела решал «сейм», парламент, в который посылали своих представителей дворяне отдельных уездов (родовое начало тут уже сменилось территориальным).

Вы, вероятно, слышали, что в этом сейме существовало особое правило: решения принимались только единогласно. Если один шляхтич заявил протест (veto), то решение не состоялось. В пошлых учебниках истории, например, у пресловутого Иловайского, это приводится, как доказательство какой-то глупости. На деле тут был вполне понятный принцип: сейм решал вопрос о податях и повинностях; по воззрению того времени, на «вольных» людей нельзя было налагать податей без их согласия; каждый депутат на сейме выражал волю шляхтичей данного уезда и посему его протест считался протестом целого уезда. Раз часть

протестовала, нужно было достичь соглашения и обыкновенно его достигали. Впоследствии, когда государственные дела все больше и больше осложнялись, это право «свободного протеста» (liberum veto), конечно, стало опасным тормозом развития. Но в том-то и дело, что шляхта, отстаивая свои права, боясь укрепления государственной власти, боролась яростно за это право, усматривая в нем оплот своей власти.

Вся внутренняя история Польши в XVI и XVII веках сводится к этой борьбе дворянского класса за свою власть. Шляхта все время борется против централизма, против укрепления государственной власти, видя в этом посягательство на свои права.

Известно, что на западе Европы такая же борьба разрешилась торжеством монархической власти, что повело к «просвещенному абсолютизму». В Польше же победила шляхта.

Почему?

Вопрос решается просто: дело в том, что на западе короли могли в этой борьбе опереться на другой общественный класс, а в Польше не могли. Не могли по следующим причинам: 1) польские города возникли благодаря немецкой колонизации. Городское сословие, таким образом, является чужим элементом. Потому невозможен был союз горожан с крестьянами, который на западе помог городам отстоять свои права против посягательства дворян. 2) Польские города, раньше процветавшие, приходят в упадок в XVII веке. Они процветали, благодаря, главным образом, транзитной торговле: Польша являлась посредником между востоком и западом. Товары востока шли из Византии и других центров греческой культуры через южную русскую степь или Венгрию в Польшу, а оттуда в Северную Германию. Это была дорога длинная, но безопасная, ибо ехавшие через Польшу купцы не подвергались насилию со стороны рыцарей-громил, для которых существовало только «кулачное право». С вторжением турок в Малую Азию и на Балканский полуостров эта торговля прекратилась, города обеднели и потому потеряли всякое политическое

влияние. Вот почему в Польше не нашлось возможности укрепить центральную государственную власть. Речь Посполитая осталась как бы союзом крохотных республик, ибо каждое «воеводство», даже каждый уезд пользовался «самоуправлением»: местная шляхта решала свои дела по собственному усмотрению.

Но, начиная с половины XV века, начинается постепенно иной экономический процесс: страны запада, особенно Англия, Германия, Голландия, проявляют растущий все спрос на сельско-хозяйственные продукты, особенно на лес, шерсть, лен, пеньку, поташ, а дальше на хлеб и скот. Польша становится одним из поставщиков. Продукты идут по Висле в Гданск (Данциг). Шляхта старается использовать все выгоды от этой торговли. Проводятся законы, по которым товары, вывозимые из Польши шляхтичем, если они являются продуктом его хозяйства, освобождаются от вывозной пошлины, а товары, ввозимые шляхтичем для собственного употребления, от пошлины привозной; купцы же пошлину платят. Это еще больше подрывает экономическое положение городов. Кроме того, этот процесс влечет за собой переворот в хозяйстве: раньше шляхтич был политическим «сувереном» крестьян; он считался «рыцарем-воином» и брал с крестьян дань продуктами на содержание своей дворни и «дружины», теперь он стал «хозяином», которому важно получить возможно больше продуктов для продажи. Закрепощение крестьян растет; у них отнимают землю, присоединяют ее к имениям (фольваркам) и заставляют их отбывать все больше барщины («панщины») на этой господской земле.

Ясно также, что этот процесс повел к обнижению военной силы государства. В XV веке многочисленная шляхта составляла грозную силу. На войну она шла охотно, ибо война сулила не только честь, но и добычу. «Военное ремесло» считалось призванием шляхтича-рыцаря. Теперь другое: шляхтич-хозяин неохотно бросает свои занятия; пойти в поход, это значит, оставить крестьян без надзора, ведет к убыткам. В конце XVI и в XVII веках шляхетское ополчение является уже мало пригодным для военных дей-

ствий. Тем больше, что в этот период происходит переворот в военной технике: решающее значение получает пехота, постоянная армия, состоящая из профессионалов войны. Но польская шляхта образования такой армии не желает: армия может явиться орудием в руках короля, который сможет употребить ее против шляхты; в армию пойдут крестьяне, привыкнут к оружию, а это опасно; наконец, такая наемная армия стоит денег, а вольный шляхтич платить казне подати не согласен, напротив, он захватывает в цепкие руки земли государственные и королевские, которых доходы назначались для обороны государства. Таким образом, во второй половине XVII века военная сила Польши является вполне подорванной, у государства нет средств защиты. (Знаменитый поход Собеского для защиты Вены от турок в 1683 году ничуть не доказывает противного. У Собеского было всего 50.000 отборной конницы, преимущественно волонтеров и этим отрядом он решил судьбу Вены. Но эта армия сейчас же после победы разбрелась, и король оказался не в состоянии продолжать кампанию.)

Наконец, нужно отметить, что этот процесс превращения шляхтича-рыцаря в шляхтича-хозяина повлек к дифференциации дворянского класса. Нагромождались баснословные богатства в руках отдельных магнатов (вельмож), а средняя шляхта в конкуренционной борьбе шла на убыль. Шляхта отстояла свои права в борьбе с королями и вельможами, препятствовала изменению правового строя. Но при новых условиях этот строй повел к полной коррупции: решали на сеймах дело голоса «вольных» шляхтичей, но эти голоса можно было купить! Покупали их вельможи; иногда впрямь, за наличные, иногда косвенно, отдавая за поддержание своих интересов шляхтичам на выгодных условиях в аренду фольварки, вообще, пуская в ход свое экономическое превосходство. Можно сказать, что шляхтич торговал в XVII и XVIII веке столь же успешно пшеницей и волами, как своим «вольным голосом» на сейме, и последний товар оказывался, пожалуй, самым выгодным.

Интересно, что тот период, когда этот класс дворянства

вел борьбу за власть, в XV и XVII веках является периодом культурного процветания Польши. Это был «золотой век» польской науки и литературы, и во время реформации Польша не отставала от самых просвещенных стран Запада. После полной политической победы шляхты в XVII веке водворилась гнусная реакция во всех отраслях общественной жизни; наука и литература падают, католическая церковь вводит абскурантизм и нетерпимость, общественная мораль развращается, Польша не принимает больше участия в культурной жизни Европы, она отстает на всех поприщах.

Столкновение Польши с милитарным государством России и Пруссии.

Во второй половине XVII века два соседних Польше государства—Россия и Пруссия быстро растут в могуществе. Реформы Петра I преобразовывают отсталую боярскую Русь в милитарно-могущественное государство, а курфирсты бранденбургские, пользуясь переворотом вызванным в Германии реформацией, присоединяя к своей «мархии» владения «тевтонского рыцарского ордена» (нынешняя «восточная Пруссия») отстаивают свою независимость от «Римско-германской Империи» Габсбургов и создают в качестве прусских королей государство, основанное на военщине.

В 1697 г. польская шляхта избирает после смерти Собеского нового короля. Идет самый наглый торг голосами вольных избирателей шляхтичей и трон достается Августу II, курфирсту Саксонии, который приезжает в страну, вверившую ему верховную власть, имея в кармане готовый проект раздела этой страны!

В это время Петр I воевал с Швецией. Он склонил Августа к участию в этой войне, обещав ему поддержать его в борьбе со шляхтой, чтобы создать в Польше наследственную монархию. Шляхта, опасаясь планов короля, была против войны, но Август повел через Польшу свои сак-

сонские войска в Курляндию против Швеции, на помощь Петру. Войска Петра были разбиты под Нарвой, и шведы, мстя Августу, кинулись на Польшу. Шляхта, подстрекаемая шведским королем Карлом XII, объявила Августа лишенным престола и избрала нового короля в лице Станислава Лещинского. Выборы произошли таким образом, что несколько тысяч шляхтичей собрались под защитою шведских войск и провозгласили нового короля. Август заключил союз с царем Петром. В продолжение двух лет шведские и русские войска бушевали в Польше, которая оказалась не в силах защитить себя. Верх одержали шведы, и Август, отказавшись от союза с Петром, заключил союз с Карлом. Тогда войска Петра заняли Польщу, но были вновь вытеснены шведами.

В битве под Полтавой, наконец, шведы были разгромлены, и Август вновь заключает союз с Петром. Царь стал теперь хозяином. Он решает спор между польской шляхтой и ее королем, решает таким образом, что вводит свои войска в Польшу и под угрозой штыков заставляет представителей шляхты подписать договор, по которому Польша обязывается не содержать армии больше 24.000 человек. Шляхта, созванная на сейм, не смеет протестовать и молчит; но депутаты, подкупленные царем, заявляют, что «молчание есть знак согласия» и договор утверждается («Немой сейм» 1717 г.) Петр оставляет «на всякий случай» свои войска в Польше.

После смерти Петра (1725) состоялось соглашение между императором Австрии Карлом VI, королем прусским Фридериксом Вильгельмом и императрицей России Анной Иоанновной о том, чтобы не допустить перемен государственного строя в Польше и не разрешить выбрать на польский престол сына Августа. Тут в первый раз три державы решали судьбу Польши по своему усмотрению (1732 г.). Сделка, однако, была непрочна. После смерти Августа II, сын его Август III вошел в сделку с Анной Иоанновной: он обещал признать любовника ее Бирона герцогом Курляндии (которая считалась ленной страной Польши), взамен чего императрица поддерживала Авгу-

ста III, при выборах на польский престол. Выборы были проведены таким образом, что 70,000 русских солдат вошли в Польшу и под угрозой их штыков шляхта избрала Августа.

В следующий период, в продолжение многих десятилетий, Польша никакого активного участия в политической жизни Европы не играет.

Во время войн России против Пруссии и Турции русские войска переходят по польской территории и ведут себя как в завоеванном крае. Российские и прусские посланники вмешиваются во внутренние дела Польши, действуя угрозами и подкупом. После смерти Августа III, императрица Екатерина II под угрозою штыков русских войск заставляет шляхту выбрать своего бывшего любовника Станислава Августа Понятовского (1764), который впоследствии становится слепым орудием в руках российских дипломатов.

Народные массы стонут под все усиливающейся барщиной. Магнаты составляют партии и клики, борющиеся за власть, грабящие казну, продающие свое политическое влияние той державе, которая больше заплатит, шляхетская вольница предается беззаветному разгулу, коррупция, продажность становятся общим явлением.

В 1768 году, наконец, появляется протест: часть шляхтичей-патриотов составляет союз (конфедерацию) для устранения иноземного вмешательства в государственные дела, но одновременно они являются ярыми реакционерами, выступают против всяких реформ, отстаивают католическую нетерпимость по отношению к «иноверцам» и полноту шляхетских привилегий. От местечка Бар на Украине, где был провозглашен союз, он назван Барской конфедерацией. Русская дипломатия пользуется случаем: русская армия вновь вторгается в пределы Польши для «усмирения» конфедератов; которые после тяжелых боев были разбиты и массами сосланы в Сибирь.

Раздел Польши.

Во время этих происшествий король держался двусмысленно по отношении к конфедератам. Они решили силой привести его из Варшавы в свой лагерь в Ченстохове, чтобы помешать ему шушукаться с русским послом. Покушение не удалось. Этим способом воспользовался король прусский Фридерикс II: он обратился к русскому и австрийскому двору, предлагая совместные действия против Польши, которая является такой крамольной страной, что в ней монарх не безопасен, а это, мол, угрожает также устоям монархии в соседних государствах. В феврале 1772 года были подписаны конвенции между Россией и Пруссией, Пруссией и Австрией и Австрией и Россией о совместных действиях против Польши. Все три акта начинаются с фразы: «во имя Святой Троицы», а дальше идет договор о наглом грабеже. Войска трех держав вступили в пределы Польши, которая не в состоянии была оказать сопротивления. Россия захватила земли на севере и востоке; общей площадью 79,000 кв. верст, Пруссия земли на западе 38,000 кв. верст, Австрия на юге 82,000 кв. верст.

Потом дипломаты, с русским посланником Штакельбергом во главе, сыграли подлую комедию: они заставили короля созвать сейм, на который депутаты выбирались под давлением русских штыков, затем подкупили часть этих депутатов, терроризировали сопротивлявшихся и провозгласили миру, что сейм добровольно признал насилие.

Только после этой катастрофы в шляхетской среде нашлись достаточно многочисленные элементы, для создания партии, готовой к реформе государственного строя. Повлияли несомненно происшествия в охваченной революционным движением Франции. Но разница была та, что во Франции шла социальная борьба буржуазии против дворянского государства, и эту буржуазию поддерживали трудовые массы. В Польше же буржуазия, т.-е. городское сословие и думать не могла об активном выступлении, а подавленные крестьянские мас-

ся безмолвствовали. Потому в Польше мы имеем дело только с движением одной части правящего дворянского класса за реформу государственного строя, а этому течению противоставилась другая часть того же класса, но желающего даже в момент крайней опасности отказаться от строя, который был выгоден классовому эгоизму шляхты, но губил все государство.

Сторонники реформ одержали верх в сейме, который заседал с 1788 по 1792 год (знаменитый четырехлетний сейм). Среди них были довольно радикально настроенные деятели, охваченные идеями французской революции, борющиеся за немедленное уничтожение крепостного права и за призыв всего народа на защиту национальной самостоятельности. Но они были в незначительном меньшинстве. В общем дворянский класс даже в момент опасности, угрожавшей всей нации полной гибелью, не пожелал отказаться от своего социального господства. Поэтому дело кончилось тем, что сейм выработал конституцию (она была провозглашена 3 мая 1792 г.), по которой монархическая власть усиливалась, укреплялся централизм в управлении, приводилась в порядок казна, устанавливались средства обороны. В социальном отношении вся реформа сводилась к тому, что мещанское сословие получило некоторые политические права, крестьяне же не получили ничего, кроме голословного обещания, что они будут «взяты под защиту закона».

Против этой очень скромной реформы ополчились реакционеры, которые ни за что не пожелали отказаться от того строя, который позволял им грабить казну и торговать своей политической властью. Во главе их стояли магнаты, которые давно продались России и которые подкупом и демагогией привлекали на свою сторону мелкошляхетскую массу. Они образовали при помощи русского посольства и поддержки русских войск союз (торговицкая конфедерация) для борьбы с реформой.

Державы, ограбившие Польшу в 1772 г., поспешили воспользоваться положением. Опять с инициативой нового раздела первым выступил король прусский: конституция

3 мая является, мол, якобинизмом, Польша идет по стопам французских цареубийц, а это угрожает устоям. Состоялась конвенция между Пруссией и Россией. Пруссия, собиравшаяся вместе с Австрией задавить насильственно французскую революцию, бросила свою армию в Польшу; одновременно выступили русские войска. Пруссия захватила 57,000 кв. верст, Россия 236 кв. верст; от Польши остался только узкий клин в 261,000 кв. верст пространства, вбитый между Пруссией и Россией, с четырьмя миллионами жителей. Опять была проделана подлая комедия с сеймом, который под угрозой штыков заставили признать «легальным» этот второй раздел Польши (23 сентября 1793 г.).

Тогда лучшая часть шляхты хватилась за оружие для борьбы против хищников. Во главе движения стал демократ офицер, который сражался за освобождение Америки от английского насилия, Фаддей Косциушко. Он призывал шляхту освободить немедленно крестьян от барщины, чтобы этим привлечь их для борьбы за свободу всего народа. Но на этот зов откликнулась только ничтожная часть шляхты, и Косциушке удалось привлечь в свою армию всего несколько десятков тысяч крестьян. В 1794 году была провозглашена в Кракове война за освобождение Польши. После тяжелых боев армия Косциушки была уничтожена соединенными силами России, Пруссии и Австрии, после чего хищники заключили союз о третьем окончательном разделе Польши (в октябре 1795 года).

Польша перестала существовать, как самостоятельное государство.

В общей сложности во время трех этих разделов Пруссия захватила 14.400 кв. верст, Австрия 15.500, Россия 44.000 кв. верст.

Но «польский вопрос» не был решен окончательно. Когда вспыхнули наполеоновские войны, во Францию уехали многие поляки, которые эмигрировали после подавления восстания Косциушко. Они вступили в революционную армию Франции, образовав «польские легионы», и отличились здесь превосходной храбростью. Разгромив Пруссию в битве под Иеной, Наполеон решил создать польское госу-

дарство, как оплот французской политики, но с Россией он тогда был в союзе, и император Александр требовал, чтобы даже имя Польши не было восстановлено. Потому было образовано Наполеоном «княжество варшавское», в состав которого вошли почти целиком польские земли, захваченные Пруссией, и частичка австрийского захвата, всего 169.000 кв. верст.

Этому «княжеству» Наполеон продиктовал конституцию на французский лад. Параграф третий этой конституции гласил: «Le Servage est abolie» (крепостничество отменяется). То, чего не решались сделать шляхетские патриоты—освобождения крестьян от крепостного права, выросший из революции властелин сделал одним росчерком пера. Только тут получилось роковое недоразумение: Наполеон не имел понятия об аграрных отношениях Польши, где крестьянин был обязан к барщине, но жил на своем участке земли, владея своим скотом и вообще орудиями производства. После реформы эти крестьяне стали свободны, но земля была признана полной собственностью помещиков. По меткому выражению, «польским крестьянам сняли с ног кандалы, но вместе с кандалами — сапоги».

Во время похода против России в 1812 году Наполеон выжал последние силы из этого «княжества варшавского», и польская армия сражалась за него до последнего момента.

После падения Наполеона на венском конгрессе в 1815 году польские земли еще раз были переразделены между тремя хищниками.

С тех пор каждая из частей польского народа переживает иную судьбу, живет иной политической жизнью, сообразно с теми условиями, которые создавались в государстве, к которому она принадлежит.

Но долгое время, можно сказать, жила еще четвертая часть Польши, Польша эмиграции и подполья. Многие польские легионеры наполеоновской армии оставались жить в Западной Европе, к ним потом присоединялись те, кого заставляли уходить с родины преследования прусских, австрийских и русских властей. Эти эмигранты-патриоты были страстными врагами всякого абсолютизма и идейными бор-

цами за свободу. Везде, где в XIX веке боролись за свободу, во Франции, Италии, Бельгии, Германии, Венгрии лилась польская кровь. На эмиграции же расцвела пышным цветом польская национальная поэзия (Мицкевич, Словацкий, Красинский и многие другие), которая поддерживала патриотизм в лучшем смысле этого слова, патриотизм в смысле протеста против насилия над народом.

Под прусским игом.

Нам предстоит познакомиться хоть в самых общих чертах с историей каждой из указанных трех частей Польши.

Начиная с той части, которая попала под прусское иго.

Прусское правительство задалось целью искоренить все польское: поляки должны утерять свой язык, забыть свое прошлое и стать немцами. К этой цели стремились прусские власти с немецкой последовательностью и настойчивостью. Постепенно устранялся польский язык из администрации, школы, суда, устранялись все проявления польской культуры. В этой политике серьезной поддержкой для правительства было то, что города, особенно крупные, как Познань, Гданск (Данциг), Торн, Быдгощ (Бромберг), имели значительный процент немецкого населения. Таким образом, культурные центры оказывались немецкими, польской была деревня, но она долгое время еще не принимала участия в культурной жизни, была аполитична.

В социальном отношении произошла большая перемена: крестьяне в Пруссии были освобождены от барщины и наделены землей сейчас после наполеоновских войн (в 1816 г.), хотя последние правовые следы крепостничества были устранены только в 1848 г. Это относилось конечно и к польским крестьянам.

Так как эти польские провинции принадлежат к очень плодородным, а прусские города нуждались в хлебе, то сельское хозяйство быстро развивалось. Промышленность же, которой зачатки были здесь во время польского

государства не могла устоять против немецкой конкуренции.

Революция 1848 г. нашла отклик и в польских землях, но движение было легко подавлено, тем более, что немецкая буржуазия проявила в своей «учредилке» тупой национализм и относилась враждебно к польскому освободительному движению. Карл Маркс, в блестящих статьях защищая национальные права польского народа, яростно нападал на немецкую нетерпимость, клеймил реакционность буржуазии в этом вопросе.

Под режимом Бисмарка германизаторская политика приняла самые острые формы. В 1886 г. внезапно прогнали из пределов Пруссии всех поляков, которые оказались не прусскими подданными, т.-е. были уроженцами зарубежных польских земель. Тысячи семейств, принужденных в продолжение кратчайшего срока убираться из своих жилищ, были поставлены в самое бедственное положение. Одновременно началась политика самых отвратительных придирок ко всему польскому. Наконец, началась политика искоренения польской нации посредством отчуждения польской земли. Был образован стомиллионный фонд для покупки государством земли у польских помещиков с тем, чтобы эту землю продавать на самых выгодных условиях немецким крестьянам, вызванным из числа немецких провинций. Пострадали от этого не только польские помещики, но прежде всего польские крестьяне, которые в этой части Польши страдают особенно малоземельных и для которых теперь стало очень трудно покупать землю. Когда поляки прибегли к организации банков, которые частным образом стали покупать имения и парцелировать их, правительство провело закон, запрещающий в польских провинциях строить новые жилищные помещения на своей земле без разрешения административной власти, а то не разрешали крестьянам селиться на вновь приобретенной земле; наконец, прибегли к обязательному отчуждению земли.

Но все эти преследования не достигли цели: поляки не только не германизировались, а напротив, в

последние десятилетия польский элемент в землях под-
ластных Пруссии окреп. Немецкие «гакатисты*) с пе-
ной у рта заявляли, что эти польские земли вопреки стре-
млению правительства—ополячиваются. Это было действи-
тельно так, и объясняется довольно просто. Дело в том,
что—как указано—онемечены издавна были города, де-
ревня же оставалась всегда польской. Но с развитием ка-
питализма, города росли быстро («тяга в город»), росли
за счет деревни. А так как деревня была польской, то
она и посылала в город польский элемент, который стал вско-
ре многочисленнее немецкого. Города, в которых раньше
говорили преимущественно по-немецки, теперь оказались
польскими. А так как город является живым политическим
двигателем, то получилось в самом деле «ополячивание»
польского края, т.-е. немецкий элемент в нем шел на
убыль. Правительство, насильно прогоняя польских крестьян
с земли, только ускоряло этот естественный социальный
процесс.

Таким образом, поляки в национальном отношении
отстояли под прусским игом свою позицию и нет ни-
какого сомнения, что польские земли, попавшие сто лет
тому назад под прусское иго, по национальному составу
населения являются польскими.

Интересно, что немецкие социал-соглашатели, Шейде-
ман с компанией, во время революции 1918 г. оказались
такими же пошлыми шовинистами, как прусская буржуа-
зия в 1848 г. Они, в противоположность русским «боль-
шевикам», которые в первый же момент своей победы
признали национальное право польского народа на по-
ную самостоятельность, ни за что не хотели отказаться
от господства Пруссии над польскими землями, и освобо-
ждение поляков от прусского ига совершилось по воле
государств Антанты, вопреки желаниям этих предателей
социализма.

---

*) Этим названием обозначают в Польше и Германии пресло-
вутых реакционеров-шовинистов, поставивших своей задачей герма-
низаторскую политику. Для этой цели было образовано общество, во
главе которого стояли некто Генеман, Кенеман и Тидеман, от этих
имен Г. К. Т. пошло словцо.

Под игом Австрии.

В Австрии в первый период проводилась также система германизации. Венское правительство посылало в Галицию (так была названа страна, с превращением исторического названия Галицкая Русь, т. е. названия одной части земель, доставшихся Австрии при разделе Польши) немецких чиновников, которые с беспримерной наглостью и замечательным тупоумием старались искоренить все, что было исторически создано, стараясь придать всему какой-то чудовищный габсбургско-имперский оттенок. Все эти придирки раздражали до крайности польские надобластные чувства, но глубокого влияния иметь не могли, ибо социальная жизнь протекала без всякого воздействия немецкого элемента. Кроме того, по решению венского конгресса, Краков пользовался автономией, считался вольным городом и был в известной степени оплотом польской национальной культуры. Только во время реакции, после 1848 г. город лишился этих прав.

Гораздо вреднее этих бесплодных германизационных затей оказалась экономическая политика Вены. На Галицию смотрели как на «гинтерланд» для промышленности других частей империи и потому администрация сознательно противодействовала развитию промышленности в этой стране. Так как значительное пространство в Галиции занимают Карпатские горы, то почва здесь бедная, земледелие не может прокормить населения, и огромное число крестьян бедствует и все больше беднеет, спасаясь лишь эмиграцией в Америку и уходом на временные заработки в Германию.

Революция 1848 г. в Галиции нашла очень слабый отклик, тем больше, что в 1846 г. здесь произошло народное движение особого характера: притесняемые польскими помещиками крестьяне в Восточной Галиции, по племени неполяки и близкие украинцам, взбунтовались и устроили кровавый погром помещикам и евреям в городах. Австрийская администрация сочла это движение вполне для своих антипольских целей и потворствовала по-

гром. Понятно, что это происшествие, разжигая национальную борьбу, противодействовало революционному движению.

После разгрома Австрии Пруссией в 1866 г. политика габсбургского двора круто меняется. Крайний бюрократический централизм отменяется, отдельные части империи получают право на местную автономию. По отношению к Галиции венские власти проводят политику привлечения на свою сторону польских помещиков, и потому делают уступки в национальном вопросе. Таким образом, возникли в Галиции польские школы и университеты, вся местная администрация стала польской. Казалось, что таким образом Галиция должна стать центром культурной жизни польского народа, но этого не было. Дело в том, что край, лишенный совершенно промышленности, в котором экономическая власть была всецело в руках помещиков, города которого были в запущении, таким центром стать не мог. Несмотря на то, в национальном отношении поляки Галиции гнета не чувствовали, они, по сравнению с своими соотечественниками в двух других частях Польши, которые подвергались национальным преследованиям, оказались самой реакционной, отсталой частью польского народа.

Под игом царизма.

Земли, оторванные от Польши при первом и втором разделе и попавшие под царское владычество, заселены непольским населением — Литва, Белоруссия, Украина. Здесь прежде всего началась суровая расправа с народными массами. Немка Екатерина II и ее в значительной части немецкое чиновничество отлично умели подделываться под «истинно-русский» патриотизм: царское правительство, мол, освободило искони русский, православный народ от польского насилия. Но для народных масс от этого мало получилось пользы. «Священных прав собственности» царское правительство не трогало, а потому польские помещики, в общем, остались владельцами кре-

постных душ. Где польские «крамольники» были сосланы в Сибирь, их земли были розданы любовницам и фавориткам царицы, и положение крестьян ничуть не менялось к лучшему. Наоборот, крестьяне попали еще в худшее положение. Во-первых, на них ложился тяжелый гнет подлей и солдатчины, во-вторых, ухудшалось их правовое положение, так как по русским законам помещик мог продавать крестьянские «души» независимо от земли, т.-е. он мог крестьянские семьи или отдельных людей продавать, отрывать от земли, которой они кормились; в Польше же этого не было. Больше всего пострадали трудовые массы Украины. Несмотря на все желание, польские паны не в состоянии оказались закабалить все «вольное казачество» Украины. Часть днепровских казаков отстояла свою свободу вполне, часть владела хуторами на «чиншевом» праве, т.-е. они платили панам только «чинш» (арендную плату), не отбывая барщины. Слабость польской государственной власти, которая не могла поддержать стремления помещиков к полному порабощению народных масс, оказалась спасительной для казачества. После присоединения к России это кончилось. «Казачья Сичь» на Днепре была окончательно разрушена, казаков насильно обращали в крепостных, в «холопов», или угоняли их в чужие земли на Дон и Урал.

Что касается польского элемента (а он состоял далеко не исключительно из «панов»: в этих землях было много польских горожан и много мелкой шляхты (зачастую одиодворцы, о которых роль была выше), то он подвергался бешеным преследованиям в национальном смысле. Польский язык был запрещен, каждый поляк считался «крамольником» и был отдан на произвол чиновников. Начались также религиозные гонения, особенно против «униатов». Дело в том, что в 1439 году произошло соглашение (уния) церквей римской и восточной, осуществленное однако только Польшей: приверженцы греческой церкви признали римского папу главой, приняли догматы католицизма, но вся обрядная сторона осталась прежней. Этих «униатов» было много в Белоруссии и Украине, и когда

они попали под господство России, их стали насильственно обращать в православие, употребляя против «упорных» самые жестокие гонения.

Несколько иначе обстояли дела в той части коренной Польши, которая попала под царское иго, т.-е. в землях бывшего «Княжества Варшавского». Александр I в 1815 году переживал еще свой «либеральный период». Он дал торжественное обещание не нарушать национальных прав поляков и предоставить им конституцию. Вновь приобретенные по венскому трактату польские земли получили название «Царства Польского» и император России считался «конституционным королем Польши». Действительность показала скоро, что самодержавие по всей России и конституционный строй в одной частичке этой империи несовместимы. Даже в то время, когда продолжались «либеральные» ужимки Александра, русское чиновничество всячески старалось «кончить с конституционной крамолой», а когда Александр все больше попадал под влияние реакции, конфликты между автономным «царством» и центральной властью обострялись. Способствовали этому великий князь Константин Павлович, назначенный командиром польской армии и «комиссар» Новосильцев. После смерти Александра (1825) эти конфликты дошли до крайности, так как преемник его, Николай I, был решительным противником «конституционной затеи» и по его указаниям Новосильцев сделал все, чтобы создать предлог для уничтожения конституционного строя.

Польские восстания в 1830 и 1863 г.

Это повело в 1830 г. к восстанию. Польская армия считала 28.000 человек и против нее Николай бросил сейчас же 150.000 человек. Борьба была возможна только при условии всенародного восстания, но этого боялись помещики и революционное правительство, но достаточно было энергично, чтоб преодолеть их сопротивление. После тяжелых боев, восстание было подавлено. Наступила дикая расправа, заработали виселицы, десятки тысяч участников восстания

были сосланы в Сибирь, имения „заподозренных" конфисковались и были дарованы генералам усмирителям, конституция была отменена. Но русское правительство не решалось сразу устранять польский язык из школ, администрации и судов, а также административных и судебных устройств, которые в Польше были иные, чем в России. (в Польше был обязателен кодекс Наполеона, и администрация была основана на участии выборных представителей населения). Однако посты в администрации были заняты русскими чиновниками, началась политика мелких преследований и придирок. Обессиленный поражением последнего восстания народ молчал и терпел.

Революция 1848 г. в „Царстве" не вызвала отклика, несмотря на усилия эмигрантов.

Национальный гнет и наглое надругательство над национальными интересами продолжались и повели, наконец, к восстанию 1863 года. Это был взрыв отчаяния замученного народа. Принимали участие в этом восстании отчасти шляхетские круги, но прежде всего городские массы, мелкая буржуазия, ремесленники, рабочие, отчасти крестьяне. Шансов на победу не было никаких. Повстанцы вооружились чем попало и вели упорную партизанскую борьбу с русскими войсками. Надежды на помощь держав Запада обманули повстанцев, а также обманула надежда, что в России может вспыхнуть бунт против подлой политики царизма.

В черносотенных книжках можно встретить утверждение, будто польские паны устроили восстание затем, чтобы удержать в Польше крепостное право. Это чистейшая ложь. Восстание было безнадежно и потому—политической ошибкой, но оно было неизбежным протестом измученного народа. И именно это восстание было народным порывом, в котором приняли участие демократические элементы. Повстанцы шли в бой против русских солдат с знаменами, на которых виднелись надписи: „За нашу свободу и вашу". Недаром Карл Маркс указывал пролетариату всего мира, что польское восстание является борьбой против душителя народов, против царизма, этого врага европейской реакции.

Восстание было подавлено жестоко. Несчастный край

еще раз истекал кровью, опять десятки тысяч жертв были сосланы в тундры и рудники Сибири. Началась беспощадная расправа со всем, что носило польский оттенок. Царское правительство послало в Польшу новые банды „обрусителей", которые „искоренялн крамолу" и глумились над несчастным народом. Шли туда все подонки русского чиновничества. Если это чиновничество в России является бандой казнокрадов и взяточников, то в Польше оно могло уже без малейшей обузы развернуть свои качества. Не было такой подлости, которой эти бандиты не совершили бы в Польше. Все оставшиеся до этих пор следы бывшей самостоятельности польского народа после подавления восстания уничтожались, политика была направлена к тому чтобы уничтожать последние следы польской культуры, чтобы руссифицировать польский народ. Даже название Польша желали уничтожить обрусители, употребляя название „Привислинский край".

Кто не жил в Польше, тому трудно понять, какую жгучую ненависть вызывала эта система, до какой степени каждый думающий поляк ненавидел этих чиновников-палачей. Конечно, делать ответственным за это русский народ, который сам стонал под игом царизма, бессмысленно. Но нечего удивляться, если это происходило, если дети погибших повстанцев с ненавистью смотрели на все русское, если у темных масс, которые не разбираются в политических вопросах, возникала ненависть к „москалям", если злоба против угнетателей переносилась на русский народ.

Капиталистическая Польша.

В социальном отношении после восстания стали происходить быстрые перемены. Было проведено наделение крестьян землей. „Реформа" вследствие восстания началась только в 1864 г. и имела несколько иной характер, чем в России, так как польские крестьяне уже с 1808 г. не были крепостными. Просто, передали в собственность ту землю, которую они до сих пор обрабатывали для себя, взамен чего работали „по соглашению" на помещика. Царское

правительство, желая отомстить помещикам, в которых усматривало главных зачинщиков восстания и желая привлечь на свою сторону крестьян, в данном случае поиберальничало: на русских крестьян, как известно, был наложен выкуп в пользу помещиков, польским же дали землю даром. Правда, то, что давал „царь-освободитель" одной рукой, он отнимал другой: на крестьян наложили очень высокие налоги (поземельный, „подымный", т.-е. от каждого жилого помещения и другие).

Реформой управляли особо уполномоченные комиссары, которым было поставлено в особую обязанность обострять вражду между крестьянами и помещиками. Для этого они, между прочим, придумали следующее: крестьяне получили те именно участки земли, которые они обрабатывали в данный момент. Так как в Польше в то время велась уже многопольная система хозяйства, то очень часто помещики отводили крестьянам участки в нескольких местах имения, вследствие этого получалась чудовищная чересполосица, при чем в первое время комиссары запрещали устранять ее путем замены участков. Та же демагогия проводилась при наделении крестьян лесом и пастбищем: не выделяли в их пользу особых угодий, но наделяли их правом пользоваться отчасти пастбищами и лесами помещиков. Цель—увеличить розни между крестьянами и помещиками—была действительно достигнута, ибо при таких условиях споры из-за потрав, запашки земли, порчи леса шли в бесконечность. Но так как добрая половина господ-комиссаров явилась беззастенчивыми взяточниками и решали эти споры, смотря по тому, кто больше даст, то главная задача—привлечь крестьян на сторону царского правительства—все же не была решена, тем более, что преследование польского языка, особенно польской школы, постоянно раздражало крестьян.

Помещики, однако, пострадали в том смысле, что, лишившись возможности пользоваться трудом крестьян-арендаторов, они были принуждены внезапно перейти к хозяйству, исключительно с применением батрацкого труда, при чем пришлось обзавестись собственным скотом и другим инвентарем, а для этого нужен был капитал, который ока-

зался далеко не у всех помещиков. В конечном счете эти перемены повели к тому, что в Польше развелось сельское хозяйство на капиталистических началах с довольно интенсивной обработкой земли. Вместе с тем, однако, первенствующее положение помещичьего класса в обществе падает: помещик перестает быть вершителем судьбы крестьянства, он является просто капиталистическим предпринимателем, притом сильно задолженным. Кроме того на первых же порах после восстания очень много помещиков-дворян обанкротилось: одни сильно пострадали за свое участие в восстании, другие не могли экономически приспособиться к новым условиям, продавали свои имения и спасали остатки своих капиталов, стараясь приспособиться в городе, брались за торговлю или промышленность. Все же старались давать своим детям образование, которое помогло бы им перейти от сельского хозяйства в другие профессии. На место помещиков-шляхтичий появлялись спекулянты, выскочки из мещан и кулаков, старая шляхтская Польша стала быстро отмирать.

Новая, капиталистическая Польша пошла ей на смену.

Для капиталистического развития обстоятельства складывались благоприятно. С 1859 г. была уничтожена существовавшая до тех пор таможенная граница между Царством Польским и Россией, товары, производимые в Польше, могли перевозиться без пошлины в Россию. Пошлины же на иностранные товары были повышены. Потому для заграничных капиталистов, особенно немцев, стало заманчиво строить фабрики и заводы именно в Польше, где рабочих рук было сколько угодно, а производство находило сбыт на необъятных рынках России. С быстрым развитием железных дорог в семидесятых годах эти рынки стали легко доступны. Таким образом, польская промышленность и торговля в этот период растут с американской быстротой. Новая буржуазия, фабриканты, купцы, банкиры становятся преобладающим классом.

У этого класса не могло уже быть той национальной идеологии, которая старую шляхту вела к стремлению восстановить независимость Польши, как государства. Наоборот, эти рыцари наживы всеми своими интересами были

связаны с Россией: там был сбыт на товары, там реализировалась добавочная стоимость, выжатая из пота и крови польских рабочих; оторвать капиталистическую Польшу от России, которая являлась „гинтерляндом“ для нее в смысле рынка на готовый товар, отчасти в смысле поставщика сырья, значило подрывать почву польского капитализма. Таким образом у нового господствующего класса о повстанческой идеологии не могло быть речи.

С ростом капитализма растет неизбежно революционное движение. В Польше оно сразу стало движением пролетарским. Тут не могло быть колебаний. Для народнических утопий, которые пришлось переживать России, в Польше не было места: борьба фабричного рабочего против капитала определяет сразу это движение. Русское самодержавие старается удушить это движение, это понятно само собой. Но таким образом это самодержавие становится союзником польского капиталистического класса. Какое дело капиталисту до того, что царское правительство искореняет польскую культуру, издевается над национальными интересами польского народа: оно держит в ежовых рукавицах бунтующего пролетария, а это важнее всего!

Но эта общность интересов между польской буржуазией и самодержавием идет дальше. Если царское правительство ведет захватную политику в Азии, если оно стремится к завоеванию Константинополя, если оно проводит чудовищный милитаризм,—все это очень выгодно для польских фабрикантов. Их агенты стремятся на рынки востока; они приобретают плантации хлопка в Туркестане; они усердствуют, чтобы получить заказы при постройке железных дорог и при поставках для флота и армии. Могущество царской России сулит барыши польскому капиталисту; как же ему итти против русского самодержавия? Мало того, что эта Россия является палачем польского народа! Пусть душит, лишь бы получались высокие дивиденды и проценты на капитал!

С девяностых годов быстро растут в России синдикаты и тресты. Промышленники и банкиры Польши принимают в них самое деятельное участие. В России работают тысячи

польских инженеров *), они там являются в большом количестве руководителями синдикатов и трестов. Создается и техническая и финансовая связь польских и русских предприятий.

Вот почему капиталистические круги Польши вполне идут рука об руку и с царским правительством, и с русским капиталистическим классом: получается тождественность интересов.

Другое дело—рабочие. Для польских рабочих становится ясно, что врагом их является царское правительство и капитал, капитал интернациональный по своему существу, а естественным союзником является русский рабочий класс, борющийся против тех же врагов.

Это получает яркое выражение во время революции 1905—1906 года. Когда поражение в японской войне и революционное движение подкосили силы самодержавия, в Польше не оказалось никаких тенденций, чтобы использовать это для отторжения Польши от России; напротив, получалась ясная классовая позиция. Польская буржуазия всецело поддерживала самодержавие в борьбе против революции, бросая свои силы против революционных рабочих Польши и доходя в этой борьбе до крайних пределов зверства и подлости. Польские же рабочие все время вели борьбу плечом к плечу с пролетариатом всей России.

Та частичка политической свободы, которая получилась в результате революционной борьбы, подействовала в Польше таким образом, что получилось известное облегчение в национальном гнете: стало возможным образовать польские школы и вообще для культурной жизни создались кой-какие возможности.

Польская же буржуазия воспользовалась парламентаризмом по своему: ее представители в государственной думе с большим рвением поддерживали реакцию и империализм царского правительства!

---

*) Польша, вообще, начиная с девяностых годов, посылала в Россию излишек своей интеллигенции. Этот излишек получался оттого, что поляков не пускали на государственные должности, и потому вся молодежь шла в инженеры, адвокаты, врачи, занимала коммерческие должности и т. д.

Когда вспыхнула международная бойня и три государства-хищника, растерзавшие польский народ, передрались между собою, польские помещики и капиталисты стали на сторону „своих“ империалистических правительств: в Кракове и Познани они стояли за австро-германский, в Варшаве за царский империализм. Несчастные же польские рабочие и крестьяне сражались в боях, где часто поляк в русском мундире вонзал штык в грудь поляка в немецком мундире.

Теперь эти польские помещики и капиталисты воюют в союзе с всемирным капиталом против пролетарской России Национальные лозунги являются подлым обманом. Просто: это господа воюют с рабоче-крестьянской Россией, чтобы отстоять свои имения и свои фабрики, отстоять не против русских рабочих и крестьян, которые на эти имения и фабрики не посягают; нет, польским помещикам надо отстоять свои имения, фабрики и капиталы против польских крестьян и рабочих Воюя с Россией, польская буржуазия воюет с польскими трудовыми массами. Вот в чем суть

И в этой борьбе польская буржуазия погибнет! Не погибнет Польша, не погибнет польский народ, как нация, ибо пролетарская Россия, отражая польское нашествие, идет в бой под лозунгом:

Долой польских панов, капиталистов, эксплоататоров!

Да здравствует свободная Польша труда!

Да здравствует революционная пролетарская Польша!

Ю. Мархлевский.